

© 1998 г., ЭО, № 5

В.А. Тишков

ЗАБЫТЬ О НАЦИИ (ПОСТНАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ НАЦИОНАЛИЗМА)

Мне до последнего времени было трудно изложить свою позицию в условиях концептуальной «трясины», которая присутствует в современных штудиях национализма. Однако недавно у меня обнаружился мощный союзник, позволивший более свободно сформулировать собственные мысли, которые до этого высказывались в осторожной форме¹. Речь идет о глобальной и долговременной мистификации вокруг терминов *нация* и *национализм*, которые, на мой взгляд, не являются научными и политически операциональными категориями.

Этот же вопрос был недавно поднят выдающимся американским антропологом К. Гирцем на семинаре по проблемам национализма в Принстонском институте высших исследований: «Для меня смысл вопроса состоит в том, насколько полезна идея "национализма" для понимания действительности прежде всего с интеллектуальной точки зрения, а затем с точки зрения политики? У меня нет простого или сложного ответа на этот вопрос. Но есть сомнения, которые возникают, когда видишь такие организующие концепты, как "страна", "народ", "общество" и, конечно, "государство"; все они, похоже, утопают в концепте "национализм", как будто это какая-то черная дыра. Сила и значение первых утрачиваются или ослабевают, по мере того как они оказываются взаимозаменяемыми с последним и друг с другом: своего рода множественные синонимы с плавающими обозначениями (multiple synonyms with floating referents)»².

О слабости традиционного взгляда

Сегодня в обширной литературе по национализму выделяется несколько основных подходов. Доминирующий взгляд на национализм можно определить как *веберианский*, или *исторический*, подход, при котором национализм рассматривается как долговременный процесс развития мирового исторического явления или своего рода «идеального типа». В рамках этой парадигмы национализм имеет свои корни, момент зарождения, стадии роста и временные границы и совпадает в основных характеристиках, где бы он не имел место: во Франции, в России или в Китае³. При историческом подходе национализм зарождается в тюдоровской Англии и в революционной Франции, распространяется по Европе, а затем и по всему миру, включая Россию и Китай.

В рамках этого подхода выстроенное Э. Смитом этническое древо наций⁴, этно-историческая интерпретация М. Хроха⁵ и этногенетические построения российских специалистов мало чем отличаются друг от друга. Последние только в буквальном смысле «копают глубже» и ведут историю этнонаций от верхнего палеолита, снабжая нынешние групповые идентичности на основе культурных различий непрерывной исторической родословной⁶. Для российских обществоведов отправной категорией является понятие «этноса», одна из многочисленных и схожих дефиниций которого дана С.А. Кравченко, М.О. Мнацаканяном и Н.Е. Покровским: «Этнос – это исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающая единым языком, общими чертами и стабильными особенностями культуры,

психологии. Этнос становится реальностью тогда, когда появляется ощущение внутригруппового единства в противопоставлении с другими, окружающими их общностями, т.е. формируется этническое самосознание... В современной науке этническая общность выступает как национальная общность, т.е. как более высокий и развитый тип этноса. Ибо этносы, возникнув еще в первобытном обществе, консолидируясь и развиваясь, представлены в мировой истории такими типами, как племя, народность, нация»⁷.

Критика теории этноса мною уже давалась⁸. Хочу только отметить, что все три автора приведенной выше цитаты, будучи профессорами одного московского вуза, вполне могут по своей этнической принадлежности оказаться белорусом, армянином или евреем и по этой причине никакими "стабильными особенностями культуры и психологии" между собой не различаться, а скорее всего именно по культуре быть русскими. Они придумали эту формулировку для коллег и студентов, не задаваясь вопросом, что ни они сами, ни их студенты, ни жители их города и их страны в эту дефиницию никак не вписываются. Именно схоластичное представление, что некие статистические множества, обладающие культурной гомогенностью, социальной однородностью и даже психической одинаковостью, являются природной основой для социальных субъектов и что именно такие общности являются главными действующими субъектами, составляет порок примордиализма. Тем не менее нынешним студентам-этнологом приходится заучивать из уже «нового поколения» учебников, что «человеческая история – это история не только государств, выдающихся личностей и идей, но также история народов-этносов, которые образуют государство, выдвигают из своей среды выдающихся деятелей, создают культуры и языки, трудятся и воюют, делают великие и малые изобретения, совершают героические подвиги и трагические ошибки»⁹.

В работах сторонников исторического подхода (методологически это смесь веберовского позитивизма и марксистского исторического детерминизма) нация предстает как мощная социальная и историческая реальность (не только современное поколение, но и «сумма всех поколений»). В представлении авторов многочисленных дефиниций нация обладает объективными характеристиками: территорией, языком, общностью хозяйства, психологическим складом и др. Ни одна из подобных дефиниций не «работает» по причине сплошных исключений из правила, но тем не менее с большой настойчивостью отстаивается армией бывших специалистов по марксистско-ленинской теории нации и национального вопроса.

Приведу только одно из схожих определений: «*Нация* – высшая форма этнической общности людей, возникшая исторически в эпоху формирования буржуазных отношений и ликвидации на этой основе феодальной раздробленности этнической территории и объединения людей, говорящих на одном языке, имеющих общую культуру, традиции, психологию и самосознание. *Нация* – объективно существующая и эмпирически фиксируемая реальность»¹⁰.

Таким образом, у нации как у коллективного тела и исторического субъекта есть также собственные сознание («национальное сознание») и коллективная воля. Например, для немецкого историка А. Каппелера и многих других историков «многонациональной России» «национальное самосознание и национальные движения являются продуктом длительного развития, и их легитимность вытекает из истории»¹¹.

Пределом разрыва с ортодоксальной позицией в российском обществознании может служить романтическое рассуждение российского культуролога Л.Г. Ионина: «*Национальное* живо и жизненно, представляет собой синтез идеи и жизни, причем синтез элементом "отрешенности", что придает национальному существованию высокую напряженность и огромный энергетический потенциал»¹². В подтверждение этой позиции автор приводит понятие нации как «конечной общности на основе судьбы» (terminal community of fate), данное когда-то ранним К. Гирцем и под которым он сегодня бы не подписался.

Если не считать околонучные писания, то ученые разных поколений¹³ *наций, национализмом, национальным* часто называют разные субстанции или же заменяют ис-

следование просвещенной публицистикой. Яркий пример тому – работы Н.А. Бердяева о национализме. Из них трудно понять, о чем идет речь: о государствах, политических или этнокультурных общностях, не говоря уже об упрощенном понимании даже тех стран, в которых проживал автор. Приведем в качестве иллюстрации некоторые из его высказываний: «Нация есть динамическая субстанция, а не преходящая историческая функция, она корнями своими врастает в таинственную глубину жизни... Все попытки рационального определения национальности ведут к неудачам. Природа национальности неопределима ни по каким рационально-уловимым признакам, определяющим национальность. Ни раса, ни территория, ни язык, ни религия не являются признаками, определяющими национальность, хотя все они играют ту или иную роль в ее определении. Национальность – сложное историческое образование, она формируется в результате кровного смешения рас и племен, многих перераспределений земель, с которыми она связывает свою судьбу, и духовно-культурного процесса, создающего ее неповторимый духовный лик... Тайна национальности хранится за всей зыбкостью исторических стихий, за всеми переменами судьбы, за всеми движениями, разрушающими прошлое и создающими небывшее. Душа Франции средневековья и Франции XX века – одна и та же национальная душа, хотя в истории изменилось все до неузнаваемости»¹⁴.

Такое впечатление, что Н.А. Бердяев, когда писал эти строки, не выезжал за пределы Парижа, где еще в конце XIX в. значительная часть населения страны не считала себя *французами*, а Жанна д'Арк была в свое время прежде всего «девой из Орлеана». Современными исследователями достаточно наглядно показан процесс превращения «крестьян во французов», который в основном завершился только в конце прошлого века¹⁵.

Еще одна иллюстрация понятийной и исторической путаницы у Н.А. Бердяева: «Большие национальности, объединенные в большие государства, заболевают волей к могуществу. Империалистическая воля заложена в образовании больших национальных государств. Эта воля к могуществу, империалистическая воля, имеет своим предельным устремлением образование мировых империй. Такими были империи Древнего Востока, Римская империя, империя Карла Великого, империя Византийская, по своим претензиям и империя Российская; таков был и замысел Наполеона... Национализм неразрывно связан с государством и гораздо более дорожит государством, часто лишенным всех индивидуальных национальных свойств, чем культурой действительно национальной. Литература и музыка какого-либо народа гораздо более индивидуальна и своеобразна, чем войска и полиция, связанные интернациональной техникой»¹⁶.

Понять, что автор подразумевает под «национальными государствами», «национализмом» и даже «народом», невозможно. В отношении России – это, скорее всего, некое упрощенное понимание жителей страны с одним русским языком общения и с главным писателем Ф.М. Достоевским. А какая *национальность* объединилась в империю Карла Великого или в Византийскую империю? Чувствуя уязвимость своих взглядов, Н.А. Бердяев предлагает заменить слово «нация» словом «народ»¹⁷, но и это не спасает его философскую публицистику от эмоциональной поверхностности.

Не лучше обстоят дела и у современных российских специалистов¹⁸. Одна из проблем в том, что многие авторы плохо разграничивают употребление слов *нация* и *народ* применительно к этническим и территориально-политическим сообществам. Не различаются ими или же противопоставляются два основных типа национализма: *гражданский*, или *государственный*, и *культурный*, или *этнический*, которые в действительности перекликаются между собой и не всегда взаимоисключают друг друга. Гражданский – от имени политической общности, почти всегда обладающей референтной культурой; культурный – от имени этнической общности, но с политико-государственным компонентом. Иными словами, гражданский национализм не может быть культурно-нейтральным (в России, например, в нем присутствует доминирующий компонент русского языка и культуры), а этнонационализм не может избежать

претензий на власть и государство («свою» государственность хотят иметь почти все постсоветские лидеры и активисты культурно отличных общин).

Для тех, кто проводит различие, гражданский национализм предстает в целом как либеральная идеология и практика нациестроительства, т.е. создание наций-государств, хотя и не всегда под лозунгом нации (в России, например, под лозунгом *единого народа* – русского, российского, советского). Он существует в разных формах – от патриотизма и изоляционизма до шовинизма и экспансивного messiанизма. Этнический национализм (этнонационализм) обычно понимается как коллективистско-авторитарный, как форма партикуляризма и исключительности, как средство достижения отдельной группой контроля над властью и ресурсами и создания этнически гомогенных государств, чуждых плюралистической демократии и гражданскому обществу¹⁹. Только в последнее время в рамках того же традиционного подхода произошли апология этнонационализма и его перекалфикация либо в «либеральный национализм»²⁰ (в противовес гражданскому национализму как национализму не нациестроительства, а «нациеразрушительства»²¹), либо в форму национального возрождения или самоопределения.

Веберянско-позитивистский/марксистско-исторический подход широко представлен в историографии, социологии и политологии и продолжает сохранять свою значимость на уровне «бытовой» науки, не очень озабоченной операционной значимостью употребляемых базовых терминов, тем более если последние стали метакатегориями, целыми дисциплинами и названиями журналов, как, например, лондонский журнал «Nations and Nationalism».

Именно в рамках этого подхода применительно к СССР и России мною были выделены два основных типа национализма: *гегемонистский*, или *доминирующий*, национализм (обычно от имени господствующей этнической группы или государства) и *периферийный*, или *защитный*, этнонационализм (чаще от имени этнических меньшинств и контролируемых ими внутригосударственных образований). Последний проявляется в разных формах: от культурного национализма до вооруженного сепаратизма²². Л.М. Дробижева и ее коллеги по исследованию национализма в российских республиках выделили несколько вариантов современного этнонационализма в России в зависимости от программ последнего²³.

К историческому подходу примыкает интерпретация национализма, связывающая это явление с процессом модернизации и трактующая его как условие модернизации. Ее суть также хорошо известна²⁴ и сводится к тому, что и для осуществления модернизации (под которой большинство авторов понимают просто индустриализацию), и для создания на ее основе современных наций-государств необходимо достижение определенного уровня культурной гомогенности обитающего в государственных границах населения. Для того чтобы функционировала бюрократия, осуществлялись армейские приказы, существовали единый правовой порядок и общая гражданская лояльность, другими словами, чтобы состоялась нация, необходим национализм. Последний проявляется в идеологии и практике распространения общего или хотя бы доминирующего языка, единой образовательной системы с общей версией истории, литературы и моральных принципов, а также желательно – и общей или доминирующей религии. По мнению Э. Геллнера, не нации создают национализм, а национализм создает нации, что представляется вполне точным замечанием. В последние годы своей жизни этот выдающийся ученый с трудом удерживал свои теоретические форпосты. На мой вопрос, как он объясняет распад своей бывшей родины – Чехословакии, Э. Геллнер ответил: «Малое – прекрасно! Это мой единственный аргумент».

В последнее время среди сторонников этого подхода появились диссиденты, доказывающие, что не модернизация, а ее провал вызывает к жизни национализм, как это имело место в Египте или Китае. Кстати, эта идея заслуживает внимания при анализе региона б. СССР в последнее десятилетие. Во многом именно неудача или деформация реформ и сложный путь демократических трансформаций, которые сопровождаются ослаблением порядка и кризисом идентичностей, вызывают национализм

самого разного толка как своего рода заместительный механизм старых идеологий и практик. Но сама основа объяснительной модели, как и вся концепция связи национализма с историческим явлением модернизации, представляется нам слабой.

Близкой к геллнеровской интерпретации, но только более современной и более популярной является конструктивистская интерпретация национализма, воплощенная в определении Б. Андерсоном наций как «воображаемых общностей» (*imagined communities*)²⁵. Этот подход интересен по двум причинам: а) он отходит от историко-детерминистской и примордиалистской интерпретаций феномена этничности и понятия *нация*; б) он слабо применялся для анализа советской/российской действительности, которая на самом деле содержит блестящий материал для его иллюстрации.

При данном подходе понятие *нация* видится как социальный конструкт и как воображаемый коллектив, члены которого лично не знают друг друга и не взаимодействуют, и тем не менее рассматривают себя как единую общность с общими характером, надеждами и судьбой. Рождается эта общность в результате «печатного капитализма», т.е. с распространением массовой печати и книжного дела, через которые транслируется идея нации. И эта воображаемая общность становится реальностью по мере того, как массы обретают веру в данную идею и в то, что ее составляет. Так появляются *французы, мексиканцы, австралийцы, индонезийцы* и другие нации. Национализм в этом случае есть своего рода механизм реконцептуализации политической общности, которая до этого могла категоризоваться как империя, колониальная администрация или племенное образование. Причем возникает этот феномен, по мнению Б. Андресона, в латиноамериканских колониальных губернаторствах и затем или одновременно распространяется в Европе и только после этого – в остальном мире.

Конструктивистский подход был использован мною при анализе феномена этничности в советском/постсоветском контексте, что позволило перенести внимание с одной из фундаментальных категорий отечественной этнологии, известной как «этнические процессы», на явление, которое было обозначено мною как «этническая процессуальность»²⁶. Именно через эту исследовательскую призму обнаруживается яркая картина советской этнической инженерии, в том числе и конструирование «социалистических наций» на основе существовавшего культурного, религиозного и локального многообразия, через институализацию (огосударствление) этничности и ее спонсорство или репрессии (оба метода ужесточали этнические границы).

При этом можно сделать следующие выводы. Во-первых, с формированием этнической политики в б. Советском Союзе этнографический примордиализм перестал быть просто маргинальным, эмпирическим подходом и обнаружил потенциал активного использования в утверждении новых идентичностей и в националистическом дискурсе. В постсоветском контексте «нищета примордиализма» оказалась соединенной с мощью примордиализма. Во-вторых, хотя концепция этнонациональной общности представляет собой воображаемую конструкцию, это не мешает ей становиться жесткой реальностью и основой для коллективного действия. Именно данный случай имеет место и в современной России, где люди через этничность обретают утраченные чувства личной и коллективной самооценности, а лидеры часто добиваются социального контроля и политической мобилизации через обращение к этническим чувствам и коалициям. Таким образом, этническая конструкция обретает прямую проекцию в сферу отправления власти.

Вера постсоветского населения в социальный конструкт одномерной и взаимоисключающей этнической идентичности как некоего базового архетипа человеческого бытия столь велика, а ее политическая нагрузка столь значима, что новое Российское государство до сих пор не смогло установить свои правовые отношения с гражданами через систему общегражданских паспортов. Идеологи и политики этнонационализма (от русских ультра до республиканских национал-радикалов) вместе с большой частью гуманитарной интеллигенции выступили против нового образца российского паспорта, где не указана этническая принадлежность («национальность»). Современный этнона-

ционализм увидел в этом угрозу «отмены наций» со стороны государства, хотя сама процедура записи национальности не только дискриминационна, но даже технически неосуществима в условиях свободного выбора²⁷.

В исследовательском и политическом планах сегодня не менее интересным представляется вопрос даже не о конструировании этничности и национализма (это уже достаточно очевидная вещь), а о возможностях его деконструкции, или процесса *назад от* национализма. Все исследователи исходят из постулата, что раз возникнув, национализм уже обретает безвозвратный характер, т.е. нации не упраздняются, поскольку это «окончательные общности». Мои наблюдения показывают, что необратимость нации и национализма – это химера. О возможности конца национализма пойдет речь в заключительной части статьи.

Конструктивистский подход столкнулся с сильной оппозицией, причем не столько в лице сторонников старых ортодоксий, сколько в лице своих же последователей – постструктуралистов, постмодернистов и так называемых постколониалистов. Ряд блестящих авторов трактуют ныне андерсоновскую концепцию в новом варианте «индигенного национализма», доказывая, например, что бенгальский национализм (а значит, и бенгальская нация) в Индии существовали до возникновения собственно индийского национализма времен Дж. Неру и И. Ганди²⁸. Появляются работы африканских ученых с подобными изысканиями аборигенного национализма колониальных времен. В них подвергается сомнению правомочность постколониальных африканских национализмов нетрайбалистского (гражданского) типа (нигерийского, сомалийского, суданского и др.) и обосновываются давность и нынешняя легитимность мининационализмов в рамках многоэтничных государств Африки.

Этот «индигенный» национализм в трактовке выпускников элитных западных университетов, рекрутированных из представителей местных сообществ постколониальных стран Азии и Африки, перекликается с периферийным постсоветским национализмом, который существует уже давно и за которым стоят десятилетия интеллектуальных усилий по установлению глубоких исторических корней советских наций и по производству их культурных героев. Академические споры этнических элит о культурном наследии и о давности существования наций (русской, татарской, чеченской, башкирской и др.) возникли в советском культурном пространстве не сегодня, но в последние годы они стали главной и часто единственной темой исторических текстов²⁹.

В данном случае разница между российскими гуманитариями и американизированными индусами П. Чаттарджи и А. Гуптой – только в степени образованности и изысканности аргументации: у последних нет гумилевской паранаучности и наивности анализа, которые можно встретить у якутских, татарских, башкирских, осетинских и многих других авторов в пространстве б. СССР, особенно когда последние публикуются на местных языках.

Богатая мозаика исследований национализма не решает основного вопроса: что это такое? И самое парадоксальное – современный интеллектуальный поиск идет *назад от* целостного понимания или хотя бы минимального консенсуса. Последний удар по пониманию национализма сегодня наносит явная политическая заангажированность исследований и общественных дискуссий, вызванная новым геополитическим соперничеством и новыми интригующими проектами политической инженерии после «холодной войны».

Поздний национализм как политический проект

Либеральный Запад никогда бы не смог одержать победу над коммунизмом в столь драматичной форме, если бы на стороне первого не оказался столь мощный союзник, как советское (более широко – восточноевропейское) понимание слова *нация* в ее этнокультурном значении. Именно это понимание направило траекторию горбачевской либерализации не только по пути демократизации и улучшения правления, но и по пути государственных реконфигураций и конфликтов. Объясняется это тем, что со

словом *нация* тесно связаны понятия *государственность* и *самоопределение*. Эта традиция пришла из якобинского понимания и до последнего времени сохранялась в политической философии и в международном праве применительно к государственным образованиям. Но при употреблении понятия *нация* в этническом контексте также следуют мыслительные выводы, а затем и политические лозунги о том, что этнические казахи, русские, украинцы, татары, латыши и пр. как нации должны обязательно политически самоопределяться и иметь свое собственное государство. Если они не имеют «своей национальной государственности», то они есть некая полу-, или не полностью состоявшаяся нация. Все этнические венгры и все этнические немцы – это одна нация, и они должны воссоединиться или возвращаться на «свою историческую родину», даже если те, кто называет себя *немцами* – это русские по культуре люди с «немецкозвучащими» фамилиями, живущие в Сибири. По этой же логике, если чехи и словаки живут в одном государстве, то самый естественный вариант – сделать два государства.

Аргументы в пользу этих выводов и лозунгов приводятся разные: от наивно мифологических до интеллектуально бесчестных. Главным аргументом для позднего национализма становится схоластичная риторика об этнонациях как био- или этносоциальных организмах. Этот органистический подход был унаследован от прошлой традиции, но реанимирован в грандиозном масштабе в самое последнее время. *Этнос* и *нация* стали жесткими синонимами с политическими выводами о «вымирании» или «убийстве наций» (*nation-killing*, по выражению У. Авторханова) в рамках существующих «многонациональных государств».

Другим аргументом современных этнонационалистов становится упрощенная картина внешнего мира: в Испании живут самоопределившиеся испанцы, в Англии – англичане, в Китае – китайцы, в Индонезии – индонезийцы, в Пакистане – пакистанцы, во Франции – французы и т.п. И в мире осталась только последняя (после распада Югославии) «многонациональная империя» Россия, где даже после распада СССР самоопределились не все нации, а только 14 и которая остается «миниимперией». Россия есть некая историческая аномалия, нуждающаяся в современной коррекции. Как мне однажды сказала одна из коллег, «все, что нахапали русские, теперь надо отдавать»³⁰.

Третьим аргументом можно назвать неточное или фальсифицированное прочтение международно-правовых норм и деклараций в защиту прав народов и о самоопределении. СССР был давним поборником идеологии национального самоопределения для колониальных народов, и в рамках его влияния эта идеология насаждалась как средство поддержки «международного национально-освободительного движения», геополитического соперничества и разоблачения империализма. Ученые-пропагандисты не смогли понять, что принцип самоопределения касается прежде всего колониальных стран и что он исключает этническую трактовку субъекта самоопределения – народа, который понимается прежде всего как территориальное сообщество. Не особенно задумывались эксперты и над тем, что реализация права на самоопределение в эпоху деколонизации носила явно антиэтнический, антитрайбалистский характер. Иначе ни одно новое государство в бывшем колониальном мире не имело бы возможности появиться.

Поздний национализм вызвал серьезные переоценки в мировой литературе и в политической практике. Самое обескураживающее то, что эти изменения в подходах произошли не в результате накопления нового знания, а под воздействием новых политических перспектив и новых амбиций активистов социального пространства (политиков и экспертов прежде всего). Э. Хобсбоум и ранее называл национализм «политическим проектом»³¹, сегодня же можно говорить о проекте *вокруг* национализма, т.е. об эксплуатации этой категории в политико-идеологическом «воленавязывании» от уровня местных общин до мирового сообщества.

То, что язык советского/российского обществоведения и политики в рамках так называемой марксистско-ленинской теории нации и национального вопроса и порожд-

денная ею политическая практика оказались саморазрушительными по своим непредвиденным политическим последствиям, ныне признается достаточно широко³². Эта проблема сохраняется и в новой России. Чего стоит хотя бы первая строка Конституции РФ: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации!» Это старое клише «многонациональности» (вместо общепринятой многоэтничности) из советских деклараций, когда за них не нужно было платить процедурой реализации, перекочевали в совершенно новую политическую ситуацию более ответственных смыслов и освобожденных адептов этих смыслов. Какую цену в конечном итоге придется платить за инерцию элитного и ставшего бытовым менталитета, пока еще неясно. Но ясно одно – нашлось много желающих внутри и вне России, кто готов наказать страну за интеллектуальную импотенцию.

В этой связи особый интерес представляет та готовность, с какой западные ученые и политики воспользовались языком давних идеологических оппонентов и самим процессом саморазрушения для возможных интригующих сценариев: сначала для демонтажа СССР, а ныне ради перспективы второго круга дезинтеграции за счет России. Позиция западных ученых (независимо от дисциплины и отечественной традиции использования терминологии) довольно быстро консолидировалась, и смысл ее состоит в том, что в «многонациональной России» нет этнических и даже национальных меньшинств, а есть нестатусные нации, или «нации без государств»³³. В эту категорию были зачислены прежде всего те нерусские народы, которые на самом деле имеют высокий уровень этнотерриториальной автономии (республики-государства), собственные конституции, государственные символы и языки, легитимные органы власти и сильное представительство в федеральных органах власти.

Ирония заключается в том, что, например, для американских специалистов народы *навахо* или *гавайцы* остаются в категории этнических групп, или меньшинств, хотя в среде этих групп уже давно присутствуют «национальные движения» под лозунгом самоопределения *нации навахо* или *гавайской нации*, а ксерокопию паспорта одного местного активиста *нации одживе* я сделал еще в начале 1980-х годов во время полевых работ в районе Великих озер. Мое замечание в адрес американских коллег на съезде Американской антропологической ассоциации в 1996 г. по поводу политико-идеологической нагрузки двойной терминологии в отношении одинаковых явлений было встречено комментарием проф. К. Вердери. Она заявила, что речь идет не о двойном стандарте или политическом умысле, а об обычной гетероглоссии, которая столь часто встречается в науке и политическом языке³⁴.

Слабым аргументом против моего замечания является и ссылка на то, что ученые, особенно работающие среди этнических групп антропологи, должны отдавать предпочтение категориям и политическим словам, которые используют члены этих групп в качестве самокатегоризации. Если якуты или татары называют себя нациями, то ученым политически некорректно писать о них как об этнических группах или меньшинствах. Этот аргумент можно было бы принять, если бы работы по другим регионам мира также строились на лексике местных активистов и если бы некоторые западные ученые в запальчивости не заявляли, что они «являются специалистами не по этническим, а по национальным проблемам в России»³⁵. Идеологическое послание здесь прочитывается довольно четко: *этнические* проблемы в многоэтничной России – это всего лишь проблемы меньшинств, их культурных статуса и запросов; *национальные* проблемы в многонациональной России – это проблемы наций и их самоопределения. Последний подход исключает разговор о России как о государстве-нации и о ее национальных проблемах в гражданском и государственном смыслах.

Следует сказать, что терминологический дрейф и политически мотивированная амбивалентность языка начались не со времени краха СССР. Еще в 1960–1980-е годы под мощным влиянием правозащитных движений и движений меньшинств в международный академический и политический язык стало внедряться понятие «нация» в этнокультурном смысле. Ряд известных философов, политиков и публицистов выступали довольно последовательно, как им представлялось, с общегуманистических

позиций, против различных форм прямого и структурного насилия, которые часто осуществляют государства в отношении недоминирующих групп населения. Эта линия нашла отражение в работах норвежского ученого Й. Галтунга, последняя книга которого содержит амбициозный план переустройства мира на «мирных принципах», в том числе через создание «организации объединенных этнонаций»³⁶. Являясь сторонником государственного самоопределения этнокультурных общностей, он считает, что этот принцип универсален для всего мира. В любом случае, эта позиция давняя и последовательная; за ней не стоит геополитическое соперничество, хотя с научной точки зрения план Й. Галтунга, имеющего репутацию основателя изучения проблем мира (peace research), выглядит наивным и опасно утопичным для современного мира многоэтничных государств.

Многие западные антропологи внесли свой вклад в так называемую *симпатизирующую этнографию*, выступая безоговорочными адвокатами малых и дискриминируемых групп. При этом они нередко играли роль манипулируемых романтиков или политических лоббистов, связанных с местными радикальными активистами и вождями, которых они воспринимали и представляли как выразителей воли и общего интереса той или иной группы. Именно это обстоятельство дало основание норвежскому ученому Ф. Барту сделать замечание в адрес антропологов, которые «постоянно действуют с узких позиций (самозванных) адвокатов и лоббистов этнических групп и их требований. Они пренебрегают более обстоятельным анализом процесса выработки коллективных решений, который имеет место на среднем уровне (для Ф. Барта это уровень групповой мобилизации для различных целей и разными методами, сфера этнического предпринимательства, деятельность лидеров и риторики. — В.Т.), и они не обращают внимания на то, что это может привести к политике, которая идет вразрез с желанием людей и интересами народа, от имени которого они выступают»³⁷.

Следует признать, что 15 лет назад, изучая «национальный вопрос» в Канаде и США, я также занимал позиции самозванного адвоката, выступавшего в защиту прав американских индейцев. В 1983 г. в газете «Советская культура» было опубликовано мое интервью «Мир должен придти нам на помощь» с лидером Движения американских индейцев Р. Минцем, в котором для читателей был сообщен адрес резервации Вундед-Ни, где тогда происходили драматические события индейского сопротивления во главе с Р. Бэнксом и Л. Пелтиером. Я тогда называл это «индейским национальным движением». Мои же американские коллеги иронично отзывались о нем как о политических манипуляциях городских индейских активистов, которые выступают от имени аборигенных общин, где действительно существуют серьезные социальные проблемы. Сегодня эти же коллеги не хотят принимать подобные оценки в отношении чеченских, татарских или дагестанских радикальных активистов. Для них полумиллионная *нация навахо* — это всего лишь политическая и эмоциональная риторика лидеров резервации (территория которой в 10 раз больше территории Чечни), а 150 тыс. карачаевцев или 78 тыс. балкарцев и подобных лингвистически «национализированных» общностей в России — это реальные нации, требующие государственного самоопределения.

В свое время «национальную» семантику этническому дискурсу на уровне международного официального языка помогли придать восточноевропейские лоббисты. Именно по настоянию венгерских экспертов и политиков в текст Декларации МОТ «О правах лиц, принадлежащих к этническим, языковым и религиозным меньшинствам», было добавлено определение «национальным». Таким образом, типологически сходные структуры стали квалифицироваться в одних странах Европы как «языковые», или «этнические меньшинства», а в других — как «национальные меньшинства». Гетероглоссия стала политикой, когда был назначен Верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств. Самой терминологией сфера его деятельности была ограничена странами б. СССР и другими подобными лингвистическими последователями в «национальном вопросе». В Ольстер, Тироль или в Страну Басков Верховный комиссар Ван дер Штул так и не был допущен, поскольку там (по дефиниции) живут «этнические», «религиозные» и «языковые», но никак не «национальные» меньшин-

ства. Однако трудно доказать, что кроме традиции внешнего предписания, которое, отчасти, стало и самодефиницией, существует принципиальная разница между гагаузами в Молдове, крымскими татарами на Украине, татарами в России и басками в Испании, тирольцами в Италии, ирландцами в Ольстере.

И все же радикальный коллапс в понимании и в отношении к национализму произошел на Западе в самые последние годы. Это случилось по причине инерции менталитета «холодной войны» и реванша со стороны мощной когорты не ушедших в отставку борцов против коммунизма (сейчас – против «миниимперии»). Именно в последние годы международные юристы начали пересматривать доктрину самоопределения в пользу отказа от принципа территориальной целостности государств и признания самопровозглашенной сецессии. Именно в последние годы некоторые философы осуществили радикальный пересмотр понятия «национальность» в пользу его этнокультурного (советского) смысла³⁸. Именно в последние годы стали доминирующими явно слабые, но политически корректные объяснительные модели крупнейших изменений текущего десятилетия, прежде всего крах коммунизма и распад СССР. Эти модели основаны на ставших уже недискутируемыми клише французской исследовательницы Э. Каррер Данкосс о «распадающейся империи» и о «триумфе наций»³⁹, хотя менее политизированный анализ скорее говорит о триумфе самой метафоры «триумф наций».

Наконец, только в последние годы, когда международные активисты защиты «непредставленных народов и наций» обратились к территории б. СССР, эти постулаты нашли откровенную поддержку на уровне государственного внешнеполитического планирования. В 1995 г. Американский институт мира и Отдел политического планирования Государственного департамента США провели специальный круглый стол по вопросам самоопределения, на котором была выработана позиция поддержки таких неправительственных организаций, как, например, базирующаяся в Гааге Организация непредставленных народов и наций (ОННН). Автор доклада по итогам круглого стола формулирует следующий вывод в отношении членов ОННН: «Эта группа народов, которая не имеет мест в ООН, существует с 1991 г. и была организована как частичный протест в ответ на нежелание их признания со стороны международного сообщества. Среди этих членов – чеченцы, татары, башкиры, чуваша, гагаузы, абхазы, которые представляют собой самостоятельные народы бывшего Советского Союза, живущие на территории государства, где господствует другая этническая группа. Эти группы не получили независимость после распада СССР просто по причине невезения, а не потому, что они ее менее заслуживают. Будет ли международное сообщество продолжать игнорировать эту группу народов, находящихся в опасности?»⁴⁰

Однако с изучением национализма не все обстоит столь безнадежно. Теоретические положения недавно опубликованной работы Р. Брубейкера о европейском национализме помогают совершить серьезный прорыв в понимании того, что есть национализм. По мнению автора, взрыв национализма не должен вести нас к признанию наций как чего-то материального. «Национализм может и должен быть понимаем без обращения к "нациям" как к объективным общностям. Вместо фокусирования на нациях как на реальных группах нам следует обратиться к национальному (nationhood and nationness), к "нации" как практической категории, как институциональной форме и как делу случая. "Нация" – это категория практики, а не категория анализа. Чтобы понять национализм, нам необходимо понять практическое использование категории "нация", как эта категория структурирует понимание, наполняет мысль и опыт, организует дискурс и политическое действие»⁴¹. Это замечание сходно с моим выводом, сделанным в том же году⁴², что нация не представляет собой научную категорию и что она должна быть устранена из языка науки и политики.

Интересные наблюдения были сделаны и в отношении национализма трансформирующихся обществ. Г.-Р. Уикер, в частности, пишет: «Возрождение национальных идентичностей и этнизация различных социальных секторов общества являются побочными воздействиями трансформации, которая неизбежно вызывает ослабление государства, уменьшение социальных прав и либерализацию экономики. Суммарное

воздействие этих процессов быстро вымывает последние остатки социальной солидарности. Хотя странно видеть, что новые национализмы обращаются к докоммунистическим временам в поиске значимых концептов, не следует забывать, что структура этой национализации в конечном итоге обусловлена коммунистическим наследием... В действительности упадок власти в центре способствовал подъему региональных элит. Многие национализации и этнизации на региональном уровне, первоначально нацеленные на создание независимой государственности, используются региональными элитами для получения своей доли обанкротившегося коммунистического поместья. Подобные процессы регионализации и роста этнической значимости развязали этнические войны в бывшей Югославии и в регионе Кавказа, а также вызвали движения окровавленной дерусификации в балтийских странах»⁴³. Это внимание к проблеме с точки зрения процесса («национализация», «этнизация»), а не тотальной целостности «нации» и «этноса» очень близко нашим собственным методологическим позициям.

Интересен подход к нации как к дискурсивным практикам в системе отношений власти и знания, как к симбиотической взаимосвязи между национализмом и организующим знанием принципом историчности, которая представляет собой одну из форм властных отношений в современных государствах. Как заключает в журнале «Нации и национализм» один из современных авторов на примере функционирования мифа о шведской нации, «эта практика является результатом взаимодействия между институционно оформленным и суверенным, или объективным, государством и интеллектуальным знанием и его институционной формой внутри государства в виде научного сообщества, которое обретает суверенитет в производстве объективной истины. Этому особому виду дискурсивной репрезентации, за которой на самом деле стоят личностные взаимодействия и борьба за и внутри официальных институтов, удается производить субъект исторической нации... Нация не является историческим субъектом; это социальные отношения власти и знания. Тем не менее эти отношения становятся формой дискурсивного режима, при котором нация представляется как исторический субъект»⁴⁴. Очень неожиданное для журнала, руководимого лидером ортодоксального подхода Э. Смитом, наблюдение, которое заслуживает безусловного развития на отечественном материале!

Что есть национализм?

В ходе исторической эволюции человек создает разные коллективы с целью обеспечить свое биологическое и социальное существование. Основная черта этих коллективов – их огромное многообразие и постоянно меняющийся характер. Это обусловлено различными факторами: средой и ресурсами, технологическим развитием, культурной деятельностью и даже физиологией и психологией человека. Наука об обществе и бытовое сознание как две взаимосвязанные формы мыслительной деятельности постоянно стремятся найти определенные объяснения этим социальным формам, в том числе и через понятия-дефиниции как некие договорные словесные модели. Эти модели призваны более или менее адекватно отражать действительность или хотя бы обеспечивать возможность диалога между учеными, политиками и рядовыми гражданами.

Сами по себе эти понятия, возникая как акт речи и результат интеллектуального усилия, обладают рядом важных особенностей. Во-первых, они условны по своему выбору и содержанию и представляют собой неизбежную редукцию, которая никак не может вместить в себя все многообразие социальной реальности и речевой опыт человеческих сообществ, когда люди в разные времена и в разных условиях вычлениют для определения разные социальные конфигурации и по-разному их называют. Во-вторых, акты речи не есть только вторичные, «отражательные» явления: они обладают свойством верхушечного предписания, мобилизующего действия и могут сами по себе вызывать к жизни реальность, т.е. создавать социальные конструкции. Наконец, понятия, оформленные в академические формулировки, политико-правовые тексты и литературные метафоры, предстают как некие высшие формы знания (на

самом деле это не так) и имеют тенденцию к горизонтальному (межязыковому, межкультурному) соперничеству, когда те или иные понятийные традиции и политический язык навязывают свой доминирующий статус другим или всем остальным.

Последнее особенно характерно для современного общества, когда мир обрел единое политическое поле и глобальный обмен научными, литературными и информационными текстами и когда борьба за дефиниции и за «смыслонавязывание» стала частью тривиального геополитического соперничества и более низких форм межгрупповых коллизий, которые обусловлены неравенством, соперничеством и доминированием как обязательными формами человеческого существования.

Утверждение смыслов и дефиниций есть важный компонент более общей операции навязывания политической воли. Здесь языковой компонент, а вместе с ним и научная экспертиза выступают во взаимосвязи с экономическими, военными и другими ресурсами соперничества. Обычно кто богаче и сильнее, тот и навязывает свои определения и свои дискуссии по ним, причем не через обязательный декрет (хотя и это имеет место, например, в международных правовых текстах и декларациях), а через выделение больших ресурсов на подготовку и деятельность профессиональных производителей субъективных представлений, в том числе и академических предписаний. С появлением глобального дискурса в мировом профессиональном обществознании таким доминированием пользуется евроамериканская интеллектуальная традиция.

Несмотря на глубокие внутренние расхождения (прежде всего между марксистским и западным языками и политическим словарем), эта традиция во многом является единой в выборе и обозначении социальных коалиций. Многие ставшие глобально господствующими в XX в. фундаментальные понятия пришли из этой традиции и в ней же пересматриваются – последнее время больше под влиянием широкого спектра интеллектуальных и политических традиций других регионов мира и культур. Так, например, произошло с такой фундаментальной категорией, как *семья*, которая пришла из евроамериканской традиции, означая естественную «микроячейку» общества, и которая сегодня все больше воспринимается как неадекватный суррогат многообразия прошлых и нынешних форм человеческих коллективных взаимоотношений на основе родства, свойства и чувства и скорее как определенная идеологическая система, а не социальная категория. В последние годы социально-культурные антропологи пересмотрели и понятие *родства* вместе с его жесткими классификациями и старым представлением как об основополагающем институте социальной организации человека и его коллективов. Подобное ослабление понятия или даже утрата его операционной зависимости происходят с категорией *нация* и ее производными – *национализм*, *национальность*, *национальное государство* и пр. Сегодня это действительно «многозначный синоним с неопределенными значениями», и именно семантический подход может помочь выйти из методологического тупика в использовании этого понятия в науке и политическом языке.

Еще одна проблема понимания национализма, которая до этого не замечалась и которую я бы определил (по аналогии с известным в лингвистике и семиотике явлением) как проблему слова-призрака, или слова-ошибки (*ghost word*), когда слово в языке возникает по недоразумению, в результате ошибки писца, опечатки в словаре и т.п.⁴⁵ Другими словами, речь должна идти не только о более глубоком понимании слова *национализм* или о модернизации этого понятия в связи с изменением характера отражаемой им социальной реальности, но и о том, что само слово пришло и утвердилось в языке в результате легитимизации (через интеллектуальный авторитет или через политическое решение) его *первоначально случайного, неопределенного и бытового употребления* и последующей его эскалации на уровень глобальной категории (вернее, лжекатегории).

Возможно почти точно определить, кто и когда (по случайному выбору или по особому намерению) стал называть *этносом* не рой пчел (как это было в средние века), а культурно схожий человеческий коллектив; *нацией* стали называть не студен-

ческое землячество в средневековом университете, а политическое сообщество или тип этноса. Если для подобного установления требуется специальное историографическое изыскание, то не нужно быть большим специалистом, чтобы реконструировать наиболее важные акты политической воли, когда произошла глобальная легитимизация понятия *нация* как синонима государства. Это прежде всего исторические моменты создания Лиги наций (европейский масштаб легитимизации) и антифашистской коалиции, а затем и мировой организации государств – Организации Объединенных Наций. Вступление в последнюю требовало от ее членов согласия с тем, что нация – это государство, в том числе и от тех, в чьем языке вообще не было и до сих пор не существует понятия «нация», как, например, в китайском и многих других языках. Едва ли в годы мировых войн в XX в. политики, придумавшие это название для своих союзов, консультировались с учеными, а тем более с представителями государств за пределами евроамериканского мира и латинской языковой традиции.

Точно так же обстоит дело и со случаем употребления слова *нация* в ее этнокультурном значении. По крайней мере в советской академической и политической традиции достаточно легко установить, когда и как утверждался термин *этнос*, когда и как многозначное и синонимичное употребление термина *нация* уступило место более жесткой дефиниции, освященной авторитетом «вождя всех народов», и, наконец, когда нация стала высшим типом этнической общности в схоластической и политизированной советской теории этноса с ее вертикальной и горизонтальной иерархией этносов, субэтносов, метаэтносов и пр.

Интересно, что, защищая эти категории, нынешние российские специалисты забывают, что корифеи отечественной этнографии и историографии не использовали термины *нация* и *этнос* в указанных смыслах не только в довоенное время, но даже в 1960-е годы – например, в таком фундаментальном издании, как серия «Народы мира» под редакцией С.П. Толстого. Что касается политического языка, то слово *этнос* российские политики выгучили совсем недавно. Наиболее часто, в том числе в варианте «суперэтнос» (адыгский, российский и пр.), термин *этнос* употреблял вице-премьер правительства Р.Г. Абдулатипов. Пока, к счастью, с языка Б.Н. Ельцина это слово ни разу не слетало. Нет пока его и ни в каких официальных российских документах, включая Конституцию РФ и тексты других законов.

Не столь давнюю историю имеет и (пост)советское понимание слова *нация*. Не только для Струве и Бердяева, но и для Ленина было характерно множественное, преимущественно в гражданско-политическом смысле, понимание нации. Лишь позднее появились «нации и народности», да и то в отношении русского народа это обозначение почти не употреблялось в довоенной политике и науке (взять, к примеру, ранние работы Д.С. Лихачева и Б.А. Рыбакова).

Случаи превращения бытового жаргона или случайно выбранного слова в академическую и политическую категорию и их последующего длительного существования известны и заслуживают специального изучения. Для нас же интересно то, что если не происходит осознания этой проблемы, то могут иметь место длительные и горячие дебаты по поводу значения того или иного термина или «понимания» обозначаемого им явления. Эти дебаты и усилия не могут привести к выяснению истины, к так называемому верному пониманию, и ограничиваются именно *верой* в буквальном смысле этого слова. Но чаще наблюдается неоднозначное словоупотребление, а отсюда – и противоречивая политика.

Исходя из этого предположения и собственных исследований постсоветского национализма, мною был сделан вывод, что в отличие от органического феномена, который может быть определен четкой формулой, национализм следует понимать как серию постулатов и действий, формулируемых и инициируемых активистами социального пространства. *Национализм – это идеология и практика, основанная на представлении, что основой государственности, хозяйственной и культурной жизни является*

нация. Этнонационализм, таким образом, становится набором упрощенных, но влиятельных мифов, рожденных (пост)советской политической практикой и реагирующих на нее. Длительные дебаты о том, *что* и *когда* есть *нация*, являются во многих отношениях бесполезными, если последнюю не понимают в смысле государственной общности. *Нация* – это слово, наполненное смутным, но привлекательным содержанием. Оно используется активистами для специфических целей мобилизации и утверждения своих внутри- и внегрупповых статусов. Когда оно внедряется на уровне масс и становится частью повседневного языка, группа может называться *нацией* без каких-либо вытекающих из этого последствий⁴⁶.

Важно развить этот теоретический постулат преимущественно на материале радикально трансформирующихся обществ, где происходит то, что представители традиционного подхода называют «взрывом национализма» или «национальным возрождением». При этом не столь важно, существуют или нет реально *нации* и что такое национализм; главное – есть сам по себе реальный феномен в его манифестных формах, в том числе в форме насилия, войн и массовых жертв. Это серьезный аргумент, требующий осмысления. Здесь я вижу своей целью предложить некоторые выходы из теоретической западни и дать рекомендации для сферы политики.

Мой подход основан на том, что *нация* – это категория семантико-метафорическая, которая обрела в истории большую эмоциональную и политическую легитимность и которая не стала и не может быть категорией анализа, т.е. получить научную дефиницию. Как и почему это произошло – другой вопрос, хотя достаточно ясно, что данная дефиниция не работает применительно к основным формам человеческих коллективов, на которые она распространяется как учеными, так и представителями самих этих коалиций. Я имею в виду государственные образования и этнические общности, которые ведут борьбу за право исключительного обладания называться *нациями*.

Нулевой вариант для государств и этнических общностей

Сначала о государствах как о самых мощных формах коллективной организации людей в современном мире. Государства имеют больше ресурсов и легитимности называться *нациями*, поскольку только они имеют возможность фиксировать свое членство через гражданство, имеют охраняемые территориальные границы, располагают бюрократиями, образовательными и информационными институтами и обладают делегированным правом на отправление насилия в отношении членов этой коалиции. Наряду с гимном и гербом метафора *нации* служит символом в утилитарных целях достижения консолидации и общей лояльности населения по отношению к государству. Общая гражданская идентичность, которая достигается через понятие *нация*, не менее важна для государства, чем конституция, общие правовые нормы и охраняемые границы. Ибо этот общий дискурс о *нации* придает важную дополнительную легитимность государственной власти через создание образа, что власть представляет некую целостность и осуществляет управление от имени и с согласия этой целостности. Поэтому каждое государство прилагает усилия для утверждения разделяемого всеми чувства принадлежности к государству не только через оформление правовой связи и обязательств между бюрократией и гражданином, но и через эмоциональную лояльность или привязанность («любовь к родине-стране» и т.п.). Сегодня почти нет государств, которые не пользовались бы этим инструментом и не считали бы себя *государствами-нациями*.

Вопрос заключается не в том, какие государства можно научно определить как «национальные», а какие нет. Все попытки составить такие списки носят наивный и бесполезный характер. В равной мере из-за недостатка аргументации не очень убедительна и попытка разделить понятия «нация-государство» и «национальное государство»⁴⁷. Можно только говорить о степени успеха того или иного государства в осуществлении интеллектуально-эмоциональной операции утверждения понятия единой

нации среди своих граждан, т.е. о состоянии умов, а не о реальной этнокультурной, социальной и территориальной гомогенности и основанной на этом типологии государств. В некоторых государствах существует огромное расовое, этническое и религиозное разнообразие или же сильные регионально-территориальные различия без интенсивных взаимных связей, однако довольно успешно функционирует на элитном и даже на массовом уровне миф о единой нации. Яркие примеры тому – Индия, Малайзия и Индонезия, в каждой из которых проживает больше этнических общностей, чем в России, но по крайней мере на официально-элитном уровне присутствуют понятия индийской, малайзийской и индонезийской наций. В Канаде вертикальные экономические и гуманитарные связи провинций с соседними американскими штатами на порядок интенсивнее, чем горизонтальные, и между Британской Колумбией и Приморскими провинциями мало общего даже в культурном смысле, хотя понятие канадской нации не оспаривается, за исключением части населения провинции Квебек, где есть представление о квебекской нации.

Государства больше различаются не степенью культурного многообразия, а тем, в какой мере этим различиям придается самодовлеющее и институциональное значение. Как отмечает Л. Гринфельд, «в некоторых обществах мы не замечаем этого разнообразия и считаем их "гомогенными", в то время как в других это может проявляться в самых болезненных формах. Это происходит не потому, что в одном обществе среди его членов имеется меньше культурно отличительных характеристик, чем в другом обществе, а потому, что то же самое разнообразие воспринимается по-разному. Не каждое общество придает этничности и этническому разнообразию культурное значение, и не каждое общество рассматривает эти характеристики как суть основополагающей идентичности своих членов»⁴⁸. Китай в 1950-е годы провел одну из своих переписей по советскому стандарту и получил более 400 «национальностей», но последующие коррективы в политике «исправили» это положение, и число меньшинств в стране сократилось до 30, хотя их общая численность остается где-то между 50 и 100 млн. Для внешнего мира Китай продолжает оставаться «национальным государством», в котором живет *китайская нация*, и в это теперь верят даже сами китайцы.

СССР оказался уникальным случаем в смысле отношения к слову *нация*. Первоначально Ленин и большевики на пути к власти и в момент ее утверждения резко отвергали имперское государство и выступали за национальное самоопределение всех «наций, народностей и этнографических групп». Когда это государство было сохранено и в нем установился тоталитарный режим, власти могли позволить себе роскошь осуществить этнонациональный принцип в политике и в государственно-административном устройстве страны. Скорее в полемических целях осуждения «буржуазного федерализма», построенного на территориальном принципе, в СССР утвердился принцип «национальной государственности» на уровне этнотерриториальных автономий для меньшинств. Объединяющую идею гражданской нации заменила идеология советского патриотизма вместе с карательными институтами, а затем – формула «советский народ как новая историческая общность людей». Таким образом, метафора *нация* и термин *национальность* (впервые в перепись населения официально введено в 1926 г.) были отданы в собственность представителям культурно родственных групп населения страны, а задача «нациестроительства» оказалась в идеологическом арсенале этнически обозначенных внутригосударственных образований (союзных и автономных республик и областей).

Здесь, правда, сохранялась постоянная смысловая коллизия. Из кого, например, состоит *социалистическая нация*: из всех советских татар или только из татар, проживающих в Татарской республике? Принципиального политического значения этот вопрос не имел, хотя попытка преодолеть эту коллизию в академических конструкциях делалась, к примеру, когда Ю.В. Бромлей предложил разделять ЭСО и *этникос* в составе одной этнической общности и считать нацией ЭСО как территориально, социально и политически связанную общность «национального типа»⁴⁹. Сейчас это

утверждение представляется уязвимым. Ныне литовцы, чеченцы, армяне или эстонцы считают членами своих наций всех живущих в мире соплеменников и легко жалуют посты президентов и министров гражданам других государств, не говоря уже об избирательном праве.

Таким образом, СССР, имея КГБ, ЦК КПСС и газету «Правда», легко «сдал» идею нации на уровень ниже того, что принято считать в мире «национальным», т.е. общегосударственным, и конституировал «многонациональность» на уровне этнических общностей. «Таким образом, Советский Союз не воспринимался в теории и не был организован на практике как нация-государство. К тому же в нем не произошло определение государства или гражданства как *целостности* в национальных смыслах. Именно в этом – отличие советского режима в отношении проблемы национальности – в беспрецедентном устранении национальной общности и национальности как организующего принципа социального и политического порядка с общегосударственного уровня и передача его на подгосударственный уровень. Ни одно государство не зашло столь далеко в спонсировании, кодификации, институализации и даже в ряде случаев изобретении национальных общностей и национальностей на подгосударственном уровне и в то же время ничего не сделало для их институализации на уровне государства в целом»⁵⁰.

С этим замечанием Р. Брубейкера можно согласиться, но, пожалуй, с одной оговоркой. Югославия и Чехословакия повторили тот же эксперимент, хотя понятия *югославская* и *чехословацкая* нация стали внедряться в Югославию и Чехословакию в последние десятилетия, но этой идеологической компании просто не хватило исторического времени. Однако последнее вовсе не значит, что эти государства нелегитимны или их нельзя по мировым стандартам считать государствами-нациями. Кроме того, ряд других государств позволяли сохранять и сохраняют до сир пор этно-территориальную институализацию и допускают местные *национализации*, как, например, в Испании. Так понятие *каталонская* нация зафиксировано в конституции провинции и присутствует в общественном сознании каталонцев. При этом испанское государство настойчиво утверждает конкурирующий проект испанской нации в отношении всего согражданства. Даже имея этнический федерализм под общенациональной королевской формой правления, оно едва ли позволит называть себя «многонациональным государством» или «империей». Не позволят этого сделать и союзники Испании по НАТО.

Более или менее успешное использование метафоры *нация* на общегосударственном уровне зависит не только от осознанных усилий самого государства в сфере идеологии, но и от других факторов, которые опять же не имеют прямой связи с этническим составом населения. Богатые государства с социально благополучным населением и с либеральными свободами легче добиваются лояльности своих граждан, которые готовы признавать «единую нацию» и считать государство своей родиной, поскольку в нем живется лучше, чем в соседних или дальних странах. Гомогенный облик западно-европейских наций-государств обусловлен не только длительным процессом их консолидации («формирования наций»), превратившем их в некое «терминальное» целое, но и безоговорочным предпочтением большинства членов этих сообществ пребывать в достигнутых условиях социального комфорта. Благополучие и порядок, столь важные для каждой личности в реализации ею главной жизненной задачи социального преуспевания (человек рождается не для служения нации), позволяют богатым странам обходиться без фанатичных и нервных усилий гражданского националстроительства и даже без его законченных результатов. Считается, что западноевропейские страны прошли эти процессы в прошлом, в том числе через революции и бисмарковское *огнем и железом*. Есть мнение, что гражданские нации в Западной Европе являют собой свершившийся факт (*fait accompli*), а сами страны считаются классическими или полноправными нациями-государствами, построенными на едином этническом ядре.

Однако это не так. В тех же Франции или Великобритании этнокультурная гете-

рогенность населения в XX в. сохранилась, и даже увеличилась, причем не только по причине бретонского, корсиканского или уэльского и шотландского мининационализмов, но главным образом по причине включения во французскую и британскую нации иммигрантского населения. В Соединенном королевстве, видимо, только меньшинство населения подтвердит свою принадлежность к «британской нации», большинство же может назвать английскую, ирландскую, шотландскую или уэльскую нации, т.е. самоидентифицироваться прежде всего по этнической общности. В Норвегии только нефтяные доходы последних десятилетий и зимние игры 1996 г. в Лилиехаммере завершили процесс формирования норвежской нации. По крайней мере, прекратились частые разговоры о том, что «мы – те же шведы», которые я фиксировал во время своих поездок в 1980–1990-е годы.

Таким образом, вопрос не только и не столько в «строительстве» и «формировании» некоего реального коллективного тела под названием *нация*, а в том, есть ли желающие оспаривать эту идею и вести диссидентские разговоры, что «мы – другие». С ухудшением жизни появляются претенденты на культурный партикуляризм или ирредентизм. Бывает, что проект гражданской нации оспаривает тот сегмент населения страны, который больше преуспевает, но не хочет делиться с остальным сообществом, воспринимая это как несправедливость. Примеры Северной лиги в Италии, Каталонии и Страны басков в Испании подтверждают это замечание, как и опровергают химеру раз и навсегда состоявшихся наций. Эти гражданские нации, или нации-государства, могут считаться *конечными общностями* только в смысле отсутствия внутренних вызовов и наличия внешней защиты, в том числе и военным блоком НАТО. Оспаривать успех этих стран в утверждении общеразделяемого понимания слова *нация* практически невозможно.

Что можно оспорить, так это вывод, что остальные страны, особенно страны так называемых второго и третьего мира, – это «не нации-государства» в полном смысле, а своего рода «квазиобщества»⁵¹. Действительно, теоретики и политики в СССР обменяли слово *нация* на кажущееся внешнему миру несуразным понятие единый *советский народ*, но этот вполне легитимный новояз выполнял ту же самую функцию, что и слово *нация* в других странах мира. В некоторых африканских и азиатских странах также обходятся без массового употребления этого европейского понятия на рынке коллективных идентичностей.

На самом же деле следует говорить о степени консолидированности и степени лояльности граждан своему государству через ту или иную общую метафору, среди которых самой известной и самой действенной является *нация*. Однако этого недостаточно для столь политически значимой типологии, как деление государств на «нации-государства» и «ненации-государства». Имеющиеся попытки предложить такое деление являются неубедительными, а в отношении стран б. СССР – откровенно политизированными: страны, не менее этнически мозаичные, с большей долей меньшинств (до половины населения страны) и с культурно гетерогенными «коренными нациями» (Таджикистан, Казахстан, Грузия, Латвия, Украина, Узбекистан) объявляются «национальными», а Россия, где все граждане способны общаться на одном языке и имеют более высокий уровень гражданской консолидации, чем в большинстве постсоветских государств, объявляется «ненациональным» государством.

Если не брать за основу классификации советскую дефиницию «многонациональности», то обнаружится совсем другая ситуация. По сравнению с благополучными странами Запада и Северной Америки уровень гражданской и культурной гомогенности в России действительно ниже, но по сравнению с новыми соседями, где в правительственных кабинетах и в президентских семьях, а также большинство населения столиц разговаривают не на том языке, который объявлен «национальным», или государственным, этот уровень заметно выше. Тем более он выше по сравнению со многими странами в других регионах мира, где население, в том числе и элита, вообще не может общаться на одном языке, но эти страны считаются «национальными» государствами. В итоге мы имеем странную ситуацию, когда политическая декларация или

ожидаемая перспектива «нациестроительства» принимается за социокультурную реальность и за основу научных построений.

Нам представляется, что именно в политической значимости и заключен весь смысл подобного деления государств, особенно в ситуации глубоких геополитических трансформаций и возможных мировых переустройств. Ибо в отношении «ненаций-государств» западными экспертами делается вывод, что эти государства «остро нуждаются в укреплении, чтобы иметь возможность обеспечить первичный порядок, который нам представляется как бы данным самим собой. Это положение ведет к тревожному заключению о возможности реорганизации мировой политики. Нормы суверенитета и невмешательства сейчас частично обесценены. И вполне возможно, что правила вмешательства, осуществленного с согласия великих держав, могут выйти на первый план. С одной стороны, это должно всячески приветствоваться, ибо делает либерализм реальным. Но с другой стороны, это, возможно, не самая лучшая перспектива...»⁵².

Таким образом, суть научной проблемы (а не политической задачи) состоит не в том, чтобы установить номенклатуру «ненациональных государств» («квазиобществ», «минимперий», «многонациональных государств») и сделать из них «национальные государства» как некую мировую и естественную форму. Неслучайно З. Бржезинский задает вопрос: «Является ли Россия прежде всего нацией-государством или многонациональной империей?» – и отвечает на него призывом «настоячиво создать стимулирующую обстановку, чтобы Россия могла определить себя как собственно Россия... Перестав быть империей, Россия сохраняет шанс стать, подобно Франции и Великобритании или ранней постосманской Турции, нормальным государством»⁵³. Именно в этой «собственно» (rigely) «нормальности» и заключен весь тривиальный смысл столь долго и страстно обсуждаемой типологии. Эта лжетипология нужна только для того, чтобы сделать провокационное предсказание, будто «в ближайшие несколько десятилетий Российская Федерация, подобно Индии, Пакистану, Южной Африке, Ираку, будет разорвана на части волной дезинтеграционного национализма»⁵⁴.

На самом же деле мы имеем другую типологию – существование слабых и сильных, богатых и бедных государств с разными политическими режимами, в которых граждане и особенно элитные элементы испытывают разную степень лояльности и возможность ее проявления. Мы имеем ситуации, когда государства по-разному используют (или не используют, как это было в СССР) консолидирующую идею нации. В некоторых устойчивых странах нет нужды в ее «воленавязывании» вообще, как, например, в Швейцарии или Канаде (хотя при правительстве П. Трюдо после квебекского кризиса 1970 г. понятие *канадская нация* стало утверждаться более энергично⁵⁵). В других странах порядок и консолидация на общегосударственном уровне и рационализация всего общества обеспечиваются другими средствами, которые удерживают от фрагментации то, что западноевропейцам может казаться как «квазиобщества». В СССР и ГДР это были совсем другая («ненациональная») унитарная коммунистическая идеология, социалистический патриотизм и репрессивный государственный аппарат; в Югославии и в Китае – тот же самый идеологический комплекс и унитарные партийные структуры; в Индии – это идеология и практика плюрализма, толерантности и компромиссов; в Исландии и на Ямайке – комплекс островной изолированности, означающей также и целостность; в Пуэрто-Рико – понятие «ассоциированности» с мощным соседом США.

Сегодня называть ГДР «ненацией-государством», а ФРГ – «нацией-государством» означает совершать политизированную операцию постфактической рационализации. ГДР и Югославия были не менее легитимными странами, чем другие страны Европы. В них имелся весь необходимый общенациональный комплекс в западноевропейском смысле (единые экономика, государственные институты, право, символика, язык), не говоря уже о мощном культурном производстве и патриотизме (особенно спортивном), которых было не меньше, чем в ФРГ. Другой вопрос, почему немцы предпочитали бежать через берлинскую стену только в одном направлении? Конечно, не потому,

что они хотели покинуть «ненацию» и стать членами «своего национального государства».

Именно в предпочтительных социальных условиях жизни, включая политические свободы, лежит ответ на этот вопрос. Здесь я согласен с замечанием А. Собчака, что решающим фактором конституирования нации является «осознанное стремление людей быть единым народом и жить вместе. Однако такое стремление возникает и питается не только общностью языка, культуры, традиции и т.д., но и тем, что можно определить как общее благополучие жизни, общая атмосфера довольства жизнью и страной, в которой ты живешь. Пока, к сожалению, у нас этого нет. Поэтому так много россиян всех национальностей стремятся сегодня уехать из страны (хотя бы временно). Не отсутствие национальной идеи, а затаившееся неблагополучие жизни – вот главная опасность для будущего страны, для ее единства»⁵⁶.

Сегодня в государствах б. СССР главный вопрос заключается не в установке «формирования наций» как очередного проекта социальной инженерии, а в улучшении условий жизни гражданина и в укреплении законного регулирования общественных процессов, включая договоренности между элитами культурно различных групп о справедливом распределении ресурсов и доступе к власти. В условиях глубоких трансформаций и смены (ослабления) государственных институтов важнее сам по себе обеспечиваемый прежде всего государством социальный порядок, чем форма, в которой он осуществляется, и идея, которой он освящается. Иначе регулятором общественных (межличностных и межгрупповых) отношений становятся насилие и хаос, когда вооруженная секта молодых мужчин выбирает (не)реализуемый проект явочного «национального самоопределения», сделав своими заложниками целый народ, а у государства с политиками-неофитами в арсенале разрешения внутригражданских коллизий оказывается единственный аргумент в виде армии. Именно это случилось в Чечне и ряде других регионов постсоветских государств.

Сейчас в регионе б. СССР (как это уже давно имеет место во многих других регионах мира с невысоким уровнем жизни и плохим управлением) с наступлением свободы частного выбора социальное неблагополучие, отсутствие порядка и стабильности ослабляют веру в гражданскую общность (страну, нацию) и необходимость пребывания в ее составе. Рациональные частные стратегии заставляют вспоминать или изобретать «историческую родину» с лучшими условиями социального существования и по возможности переходить из одной нации в другую. Сотни миллионов людей в мире совершили этот переход только в XX в., эмигрируя в более обустроенные страны. Если бы у российских немцев этнические корни были не на территории Германии, а скажем, в Сомали, тогда едва ли воссоединение с «исторической родиной» приобрело бы столь массовый характер. В равной мере оказались иллюзорными надежды националистов в постсоветских государствах на то, что произойдут возвращение и воссоединение этносов (русских, казахов, адыгов, армян, эстонцев, латышей и др.) за счет ближних и дальних диаспор.

Нынешние социальные условия на территории б. СССР пока не вызывают к жизни эти эмоции, а тем более не приводят к переезду этнически родственных граждан США, Турции или Иордании в Россию, Латвию или Армению, за исключением редких романтиков или соискателей престижных должностей. Скорее, наблюдается трудный процесс внедрения общегосударственной идентичности в новых странах. В сравнительно более благополучных странах Балтии он явно идет успешнее, и «нетитульные» граждане и даже неграждане, несмотря на открытую дискриминацию и доминирование доктрины этнонации в Латвии и Эстонии, готовы оставаться жить в этих странах и разделять общегосударственную лояльность. И наоборот, даже медленный успех реформ и улучшение жизни в России по сравнению с Украиной, Азербайджаном, Киргизией и Казахстаном вызывают среди нетитульного населения чувство принадлежности не к местным гражданским сообществам, а к этнонациям с «исторической родиной» в России или Германии (у тех немцев, которые попадают в иммиграционные квоты).

Трудная ситуация складывается в самой России, которая стала не только правопреемницей СССР, но и наследницей доктрины «многонациональности». Это единственное из 15 государств, которое оставило идею нации в доктринальной собственности составляющих его единиц, хотя Украина, Казахстан, Узбекистан и др. – столь же многоэтничные сообщества, а моноэтничным государством можно считать только одно – Армению, да и то после изгнания из нее азербайджанцев. Если мир будет оставаться заложником идеи нации и не найдет другой более рациональной доктрины государствообразования, России предстоит трудный процесс переобучения экспертов, политиков и населения пользоваться иным смыслом этого слова, в основе которого не *этнос*, а *демос* как субъект самоопределения. Но опять же речь идет о смене смыслов, а не о «строительстве» и «формировании» чего-то другого из имеющегося в наличии человеческого материала, а тем более не о ликвидации этнокультурных общностей и о создании государства-монокультуры.

Этнические общности существовали в России до «социалистических наций» и будут существовать после них так же, как в России существуют реальная историческая, социальная и культурная общность и общероссийская идентичность⁵⁷. Разница только в том, что эту российскую общность пока никто не осмелился называть *российской нацией*. Президент Б.Н. Ельцин сделал пока осторожную заявку на это в одном из своих ежегодных посланий, но только как задачу на будущее⁵⁸.

Есть еще один вариант решения этой методологической и политической проблемы как для России, так и в глобальном масштабе. Это отказ государств от слова-призрака *нация* (а значит, и от его производных). В частности, один из моих выводов состоит в том, что категория *нация-государство* бессмысленна с научной точки зрения и неприемима в политико-правовом смысле. Это пример того, как риторика практики была возведена на уровень почти универсальной и жестко манипулируемой категории. Государство есть государство и обозначать его как «национальное» – это все равно что придавать ему обозначение цвета («голубое», «коричневое» и т.п.). В равной мере это касается и понятия *нация*. Как считает Р. Суни, «это мощная, но в конечном смысле утопическая идея является в значительной мере основой современной политики, и многие из конфликтов XX в. произошли именно по причине несоответствия самоназванных наций и существующих государств. Было бы самонадеянностью со стороны обществоведов думать, что они как-то могут разрешить эту проблему. Вместе с тем было бы безответственно игнорировать или принимать призрачные идеи политиков и не задействовать особые методы и таланты, которыми обладают ученые»⁵⁹.

Осуществить этот демонтаж вполне возможно, начиная прежде всего с языка науки и экспертизы. Его можно сделать достаточно быстро, как это произошло в новое время с грандиозной мистификацией вокруг понятия *ренессанс*, понимавшегося первично как возрождение античности. Однако еще более успешно эта процедура может быть осуществлена в «нулевом варианте», т.е. одновременным отказом от использования слова его основными потребителями. Дело в том, что понятие *нация* применительно к этническим общностям еще менее операционально и даже более бессмысленно, чем в отношении государств. Все известные попытки разделить по объективным критериям этнические общности на *нации*, *народности*, *этнические* и *племенные группы* фактически малопродуктивны. Как заметил норвежский антрополог Т.Х. Эриксен, нация есть продукт идеологии национализма и «возникает с момента, когда группа влиятельных людей решает, что именно так должно быть. И в большинстве случаев нация начинается как явление, порожаемое городской элитой. Тем не менее, чтобы стать эффективным политическим средством, эта идея должна распространиться на массовом уровне»⁶⁰.

Однажды летевшая вместе со мной в самолете депутат горбачевского съезда народных депутатов Е. Гайер задала эмоциональный вопрос: «Когда мы, нанайцы, сможем называть себя нацией?» Мой ответ был следующим: «С того момента, как Вы

задали этот вопрос, считайте, что нанайская нация существует». С тех пор прошло 5 лет и можно задать новый вопрос: состоялась или нет нанайская нация за это время? Е. Гайер перестала быть видным российским политиком, а среди сторонников ее идеи не нашлось достаточного числа активистов-интеллектуалов на уровне группы, которые смогли бы осуществить распространение идеи нанайской нации среди соплеменников. Другими словами, нанайская нация не состоялась по причине отсутствия дискурсивной практики в смысле конкретных взаимоотношений между людьми и выстраивания ими социально-информационной сети по поводу данного проекта. Однако этот проект сохраняет свою потенциальную возможность, особенно если бы нанайцам (или другим заинтересованным агентам) удалось создать форму территориальной автономии для (или от имени) этой группы. Хотя никаких типологических трансформаций с этой этнической группой не произойдет, кроме появления некоторого числа новых нанайских вождей и бюрократов.

Примером могут служить другие аналогичные группы малочисленных северных народов России, когда от их имени местная господствующая элита, преимущественно русско-украинского этнического происхождения, с энтузиазмом играет в проект «национальной государственности» от имени «чукотской», «коми», «манси», «ханты» и даже «карельской» нации в соответствующих этнотерриториальных автономиях. Созданные сверху под пропагандистскую идею «решения национального вопроса при социализме» и национального самоопределения «социалистических наций и народностей», эти «национальные государства» фактически не вызвали к жизни соответствующие «нации» по причине нехватки человеческого ресурса (главным образом образованной интеллигенции и местных активистов) и по причине высокой стоимости природных ресурсов, которые расположены на территориях этих автономий и которыми желает пользоваться доминирующее общество. Однако уже рождается новая когорта влиятельных местных лидеров с хорошим информационно-коммуникационным обеспечением, которая сможет сформулировать и осуществить чукотский, хантыйский, мансийский и другие «национальные» проекты.

В 1970–1980-е годы я был свидетелем, как образованные и амбициозные аборигенные лидеры в Канаде сделали на основе разрозненных индейских и эскимосских общин так называемые *первые нации* (first nations), начав с учреждения общеканадской «Ассамблеи первых наций» в 1972 г. Во время моих последних полевых исследований в общинах Северо-Западных Территорий в конце 1980-х годов уже не только отдельные лидеры проживающих там северных атапасков (догриб, слейви, йеллоунайф и др.) стали использовать в публичном языке общий термин «нация дене» (Dene nation).

В среде более многочисленных до этого «ненационализованных» групп нация как форма дискурса и вытекающих из него отношений власти и знания может рождаться или «возрождаться» в более драматических формах, но опять же никакого объективного процесса перехода этноса в свою высшую форму – нацию со всем набором обязательных критериев – не происходит. Например, едва ли кто-то из специалистов сможет доказать, что гагаузы, равные по численности абзахам и считавшиеся в СССР народностью, а не нацией (они не имели территориальной автономии), стали в декабре 1995 г. нацией. Никаких изменений в их территориально-демографических, культурно-языковых и социальных характеристиках не произошло в результате решения молдавского парламента о создании автономии Гагауз-Ери. Произошло что-то другое, что крайне рискованно называть «нациеобразованием» и даже гагаузским национализмом.

Выход из смыслового тупика в данном случае может заключаться в рекомендации: или все этнические общности могут называть себя нациями, если это продолжает иметь какое-то значение в мире современной политики, или никто. Но опять же – при условии нулевого варианта, включающего аналогичный отказ и со стороны государственных образований. Никакой утраты объяснительных и мобилизационных возможностей от этой процедуры не произойдет ни для ученых, ни для политиков. Наоборот, уход от тотальной категории поможет понять лучше природу человеческих коалиций, их культурных различий и политических конфигураций. Сегодня же за аллегоричным и

академически пустым словом *нация* наука и политика упускают что-то гораздо более важное и «реальное» в тех многозначных ролях, которые этничность и националистическая риторика играют в индивидуальных и групповых действиях. Мы включили в нашу исследовательскую повестку феномен, который просто не существует, и судим о действующей в социальном пространстве лицах и силах на основе ложного критерия и мифической дефиниции. Именно поэтому мои заключительные слова сводятся к призыву: забыть о *нациях* во имя *народов, государств и культур*, даже если будущие исследователи подвергнут сомнению и эти последние дефиниции.

Примечания

- ¹ См.: *Тишков В.* О нации и национализме // Свободная мысль. 1996. № 3; *Tishkov V.* Ethnicity, Nationalism and Conflict in and After the Soviet Union. The Mind Aflame. L., 1997.
- ² *Geertz C.* Thoughts on Researching Nationalism. Manuscript. «Understanding Nationalism» workshop. Institute for Advanced Studies. Princeton University. 4–6 December 1997. 4 p.
- ³ См.: *Armstrong J.A.* Nations before Nationalism. Chapel Hill, 1982; *Smith A.D.* The Ethnic Origin of Nations. Oxford, 1986; *Greenfeld L.* Nationalism. Five Roads to Modernity. Cambridge, 1992.
- ⁴ *Smith A.D.* Op. cit. Этим же автором был в свое время сделан обзор теорий национализма (Theories of Nationalism. N.Y., 1983).
- ⁵ *Hroch M.* Social Preconditions of National Revival in Europe. Cambridge, 1985.
- ⁶ См., напр., статьи в: Народы России. Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М., 1994.
- ⁷ *Кравченко С.А., Мнацканян М.О., Покровский Н.Е.* Социология: Парадигмы и темы. М., 1997. С. 251–253.
- ⁸ *Tishkov V.* Op. cit. P. 1–23.
- ⁹ Этнология. Учебник для высших учебных заведений / Под ред. Г.Е. Маркова, В.В. Пименова. М., 1994. С. 361.
- ¹⁰ Учебный социологический словарь. 2-е изд. М., 1997. С. 90–91.
- ¹¹ *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1996. С. 7.
- ¹² *Ионин Л.Г.* Социология культуры. 2-е изд. М., 1998. С. 158.
- ¹³ См.: *Панарин С.* Национализм в СНГ: мировоззренческие истоки // Свободная мысль. 1994. № 5; *Галкин А.* Суперэтнизм как глобальная проблема // Там же; *Сахаров А.* Средневековье на пороге XXI столетия. О трагическом закономерности национализма // Там же. № 6; *Вдовин А.И.* Российская нация. Национально-политические проблемы XX века и общенациональная российская идея. М., 1996.
- ¹⁴ *Бердяев Н.А.* Русская идея и судьба России. М., 1997. С. 306–307.
- ¹⁵ *Weber E.* Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France 1870–1914. L., 1979.
- ¹⁶ *Бердяев Н.А.* Указ. раб. С. 514–515.
- ¹⁷ Там же. С. 516.
- ¹⁸ См., напр., *Вдовин А.И.* Указ. раб.; *Торукало В.П.* Нация: история и современность. М., 1996.
- ¹⁹ См., напр., схожую типологию национализма: *Greenfeld L.* Op. cit. P. 11.
- ²⁰ См.: *Tamir Y.* Liberal Nationalism. Princeton, 1993; *Lind M.* In Defense of Liberal Nationalism // Foreign Affairs. V. 73. № 3. May/June 1994. P. 87–99.
- ²¹ Эта метафора принадлежит У. Коннору, который одним из первых выступил в защиту этнонаций и написал серию статей на тему «когда» и «что» есть нация: *Connor W.* Ethnonationalism. The Quest for Understanding. Princeton, 1994.
- ²² *Tishkov V.* Post-Soviet Nationalism // Europe's New Nationalism. States and Minorities in Conflict. New York; Oxford, 1996. P. 23–41.
- ²³ *Дробижева Л.М., Аклаев А.П., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в российских республиках в 90-е годы. М., 1996.
- ²⁴ См.: *Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford, 1983.
- ²⁵ *Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L., 1983.
- ²⁶ *Тишков В.А.* О феномене этничности // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1997. № 3.
- ²⁷ См.: *Тишков В.* Прощание с пятым пунктом // Независимая газета. 22 октября 1997 г.; *его же.* Национальности и паспорт // Известия. 4 ноября 1997 г.
- ²⁸ *Chatterjee P.* The Nation and Its Fragments. Colonial and Postcolonial Histories. Princeton, 1993; *Anthropological Locations. Boundaries and Grounds of a Field Science.* Berkeley, 1997.
- ²⁹ См.: *Shnirelman V.* Who Gets the Past. Competition for Ancestors Among Non-Russian Intellectuals in Russia. Wash., 1996.
- ³⁰ Замечание С.М. Червонной, скромные по своему научному уровню тексты которой охотно издаются

на Западе по причине политико-идеологических предпочтений. См., напр., явно антироссийскую интерпретацию грузино-абхазского конфликта: *Chervonnaya S. Conflict in the Caucasus. Georgia, Abkhazia and the Russian Shadow*. L., 1994.

³¹ *Hobsbaum E. Nations and Nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality*. Cambridge, 1990.

³² См.: *Brubaker R. Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account // Theory and Society*. V. 23. № 1. P. 47–78; *Suny R.G. The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford, 1993.

³³ См.: *Nations and Politics in the Soviet Successor States*. Cambridge, 1993.

³⁴ *Tishkov V. U.S. and Russian Anthropology: Unequal Dialogue in a Time of Transformation // Current Anthropology*. V. 39. № 1. February 1998. P. 1–17. См. также комментарии К. Вердери (*Ibid.* P. 13–14).

³⁵ *Beyond Soviet Studies*. Wash., 1995. P. 137.

³⁶ *Galtung J. Peace by Peaceful Means. Peace and Conflict, Development and Civilization*. L., 1996.

³⁷ *Barth F. Enduring and emerging issues in the analysis of ethnicity // The Anthropology of Ethnicity: Beyond «Ethnic Groups and Boundaries»*. Amsterdam, 1994. P. 24.

³⁸ *Miller D. On Nationality*. Oxford, 1995.

³⁹ *Carrere d'Encausse H. The End of Soviet Empire – The Triumph of Nations*. N.Y., 1993.

⁴⁰ *Carley P. Self-determination: Sovereignty, territorial integrity, and the right to secession*. Report from a round-table held in conjunction with the U.S. Department of State's Policy Planning Staff, United States Institute of Peace. Wash., 1996. P. 15.

⁴¹ *Brubaker R. Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge, 1996. P. 7.

⁴² *Тишков В. О нации и национализме*.

⁴³ *Wicker H.-R. Introduction: Theorizing Ethnicity and Nationalism // Rethinking Nationalism and Ethnicity. The Struggle for Meaning and Order in Europe*. Oxford; New York, 1997. P. 31.

⁴⁴ *Hall P. Nationalism and historicity // Nations and Nationalism*. 1997. V. 3. № 1. P. 3–23.

⁴⁵ *Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / Под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского*. Т. 1. М., 1996. С. 249.

⁴⁶ *Tishkov V. Ethnicity, Nationalism and Conflict*. P. 229–230.

⁴⁷ См.: *Салмин А. Современная демократия: очерки становления*. М., 1997.

⁴⁸ *Greenfeld L. Ethnically Based Conflicts: Their History and Dynamics // Paper presented to International Seminar on Ethnic Diversity and Public Policies*. N.Y., 17 August 1994.

⁴⁹ *Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса*. М., 1983.

⁵⁰ *Brubaker R. Op. cit.* P. 29.

⁵¹ *Hall J.A. Nationalism, Classified and Explained // Notions of Nationalism*. Вр.; L.; N.Y., 1995. P. 27. Наиболее полно эту позицию см.: *Jackson R.H. Quasistates: Sovereignty, International Relations, and the Third World*. Cambridge, 1990.

⁵² *Hall J.A. Op. cit.* P. 27.

⁵³ *Brzezinski Z. The Premature Partnership // Foreign Affairs*. March/April 1994. P. 72, 79.

⁵⁴ *Lind M. In Defense of Liberal Nationalism // Foreign Affairs*. May/June 1994. P. 99.

⁵⁵ См.: *Тишков В.А., Кошелев Л.В. История Канады*. М., 1982.

⁵⁶ *Собчик А. Имперская ностальгия // Независимая газета*. 13 февраля 1998 г. С. 7.

⁵⁷ Об этом см.: *Губогло М.Н. Развивающийся электорат России*. М., 1996; *Дробижева Л.М., Аклиев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Указ. раб.*

⁵⁸ См.: *Ельцин Б. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию*. М., 1995.

⁵⁹ *Suny R.G. Some Notes on Where We Are in the Discussion of Nations, Nationalism and Identities // Workshop on Understanding Nationalism*, Institute for Advanced Studies. Princeton University, 4–6 December 1997. Manuscript. P. 5.

⁶⁰ *Eriksen Th.H. Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives*. L., 1993. P. 105.

V. A. T i s h k o v. Forget a nation: post-nationalist understanding of nationalism

Overarching and long-lived terms 'nation' and 'nationalism' are considered as a speech act and a political metaphor and academic jargon. The weakness of traditional approach is in its wrong choices for defining human coalitions borrowed from political jargon loaded with high emotional legitimization. Late nationalism studies failed to resist the new geopolitical rivalries and intriguing projects of political engineering for the post-cold war world. Scholastic rhetoric about ethno-nations, multinational states, nations without states, non-nation-states, enthusiastically emerged

around former Soviet Union area, reflect the inertia of self-destructive Soviet vocabulary and new joiners of this discourse from Western academia.

This article interprets 'a nation' as a host word and not an academic or politically operational category. Two major forms of human coalitions – a polity (state) and ethnocultural entities (groups) are fighting for to have this important linguistic capital in its exclusive property. Because of the empty content and impossibility to provide a scholarly definition what is a nation, the author suggests a 'zero option' for historic debate: state is a state and ethnic group is an ethnic group. They differ a level of perceived homogeneity and loyalty among their members. Behind the allegorical and academically empty word *nation*, we are losing something much more important and 'real' in the multifaceted roles that ethnicity and nationalist rhetoric play in individual and group action. That is why 'forget a nation to save states, peoples and cultures'.